

УДК 130. 2 : 141. 32

О.Н. ГОРОДЫСКАЯ, канд. филос. наук, доц.

ОСОБЕННОСТИ ЧАСТНОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ

У статті розглянуто можливість філософського осмислення проблеми індивідуального буття людини на сучасному етапі розвитку культури. Виявлено деякі варіанти розуміння людської екзистенції, а також визначено та порівняно певні стратегії побудови людиною свого буття, його осмислення та перспектив. Особливу увагу було звернуто на концепцію Дельоза про „поверхневий” характер сучасного філософування та його близькість до міфологічного типу освоєння буття.

Ключові слова: план іманенції, сучасна культура, міф, екзистенція, приватне філософування.

The individual being philosophical comprehension problem at the modern stage of culture development was considered in the article. Some types of human existence were revealed, and some strategies of human being building, its understanding and perspectives were defined and compared. Special attention was paid to the Deleuze's doctrine about the "superficial" character of modern philosophy and its similarity to the mythological type of the being comprehension.

Key words: immanence plan, modern culture, myth, existence, private philosophising.

В статье рассмотрена возможность философского осмысления проблемы индивидуального бытия человека на современном этапе развития культуры. Выявлены некоторые варианты человеческой экзистенции, а также определены и сравнены некоторые стратегии построения человеком своего бытия, его осмысления и перспектив. Особенное внимание было уделено концепции Делёза о «поверхностном» характере современного философствования и его близости к мифологическому типу освоения бытия.

Ключевые слова: план имманенции, современная культура, миф, экзистенция, частное философствование.

Сущностным определением современного состояния культуры, которое именуется постмодерн, является радикальная неопределенность не только какого-либо вида человеческой деятельности, а всех самосвидетельств сознания, что естественным образом приводит к тенденции: «мышление без опоры и границ» [4, с. 51]. Это состояние современности явилось следствием долгого отказа от традиционного способа существования

культуры, отказа в пользу «объективной реальности», следствием чего стало за-бытие истины самого бытия. Способ существования человека в традиционных культурах – самоустранение, самопотеря, высвечивающие Неизбывное. Так восточный мудрец отличается от европейского философа: он не имеет собственной «системы мысли», он полностью прозрачен, и «сквозь него просвечивает жизнь народная и вселенская» [4, с. 55]. Именно к такому типу самоосмысления возвращается современная культура и философия.

Одной из ведущих философских проблем всегда был вопрос о возможности осмысления человеком собственного бытия, причем сам процесс осмысления здесь уходит на второй план, и действительной возможностью осмысления становится проживание, осуществление, освоение жизни. Единой проблематики в философии давно не существует, как не существует и единого подхода в решении философско-мировоззренческих проблем, а философия, все еще сохраняя понятийную форму, все глубже погружается в поле образности, иррациональности, чистой бытийности. Пожалуй, это и есть в каждом отдельном случае главный смысл философии – создать систему понятий, в которых человек сможет выразить невыразимое знание о жизни, передать всю полноту ощущений и бытия, не утратив при этом всей полноты смысла.

Философия призвана диагностировать наши актуальные становления, сформулировать новые имманентные способы бытия без утраты смысла. Однако, создавая понятия для осмысления нашего бытия, нужно тесно связать эти понятия с нашим, именно с нашим планом имманенции, поскольку его утрата составляет одну из главных потерь современной культуры [2, с. 132]. План иманененции фактически и есть индивидуальное бытие, проявление бесконечности здесь-и-сейчас, не содержащее в себе ничего рационального. Именно поиск постоянно ускользающего смысла

индивидуального бытия делает подобные изыскания всегда актуальными. Фактически речь идет о поиске сущности в поле экзистенции.

Экзистенция как план имманенции является источником индивидуального бытия, и здесь сам способ мышления как правило близок мифологическому типу. Погружение в план имманенции означает некое распыление в пределах хаоса, это – присутствие в области предфилософского осмысления бытия, в максимальной близости к явлениям бреда, патологических процессов, эзотерического опыта, опьянения, трансгрессии [2, с. 57]. На первый взгляд, подобное понимание плана имманенции никак не связано с собственно философским осмыслением, однако такое «нефилософское» концентрируется в самом сердце всякой философии, оно глубже неё, поскольку тесно связано с экзистенциальным началом человека. Выход на уровень, близкий к мифологическому типу мышления здесь неслучаен, это созвучно современной культурной ситуации и открывает определенные возможности для самоосмысления и самоопределения человека в условиях тотального и, увы, зачастую иллюзорного плюрализма возможностей.

Очень интересный пример философского осмысления индивидуального бытия можно найти в работах Делёза [1]. Причем они создают не собственно систему понятий, а скорее ряд так называемых концептуальных персонажей, каждый из которых предлагает свой вариант освоения бытия.

Утрата плана имманенции в западной культуре во многом связана с доминированием особого образа философа и философии. Философ классический – это мыслитель высоты, который совершает подъем из пещеры ввысь, и чем выше подъем, тем полнее очищение. Философская работа всегда представляется восхождением и преображением, как движение к высшему принципу. Очевидное наследие платонизма тесно связывает философию с моралью и идеалом [1, с. 174], и это лишает

философию связи с глубинами бытия, с истоками смысла. Для Платона отказ от глубины в пользу высоты был вполне оправдан и не так трагичен: он вышел из пещеры, которую хорошо понимал и от которой был недалёк. Глубина пугала своей неизвестностью, и единственным путем для Платона стал подъем ввысь.

Уже Ницше открыл парадоксальность наследия Платона: разве акт мышления происходит не в мысли, и разве сам философ мыслит вне жизни? Смысл должен обретаться в самой жизненной ситуации, а не отделяться от неё. Однако Ницше идет дальше и призывает погрузиться в глубину, как это делали философы-досократики. Философы-досократики не выходили из пещеры, они помещали мысль внутрь пещеры и жизни, в глубине. Таким показательным примером может быть легенда Эмпедокла: он бросился в глубину Этны, и все, что осталось от него – выброшенная медная сандалия [3, с. 325]. Этот своего рода анекдот от философии будто доказывает, что Эмпедокл и его философия идут из самой земли, они противоположны платоновской душе-птице. Глубину досократической философии Делёз соотносит с состоянием шизофрении [1, с. 176], с абсолютной бездной, предельным выражением которой может стать бесконечно меняющийся лик Диониса, собственно, – хаос постоянного превращения, как абсолютная потенция всех форм.

Ницше ушёл в открытую им глубину, отбросив ещё один тип философствования, который является наиболее созвучным современному культурному плюрализму. С мегариков, киников и стоиков начинается новый философский дискурс, новый логос, насыщенный новым философским содержанием. В этом дискурсе больше нет ни глубины, ни высоты, бестелесное пребывает на поверхности, оно есть поверхностный эффект, не сущность, а событие [1, с. 178]. Героем этой новой философской мысли становится настоящий стоик – Геракл. Он всегда связан с тремя бытийными уровнями: адской бездной, звездной высотой и

поверхностью земли. Геракл проходит все испытания, поднимается ввысь и проникает в глубины ада, но всегда возвращается на землю. На земле он миротворец и путешественник, странствующий даже по поверхности вод. Он не Дионис, упавший на дно, не Аполлон, поднявшийся ввысь, он – Геракл, ведущий сражение на два фронта, как против глубины, так и против высоты, он ведёт полную переориентацию мысли [1, с. 180]. Стоики, подобно Гераклу, преобразовали само бытие в со-бытие. Все, что происходит и высказывается, происходит и высказывается на поверхности. Поверхность обретает двойной смысл – неразрывность изнанки и лицевой стороны сменяют высоту и глубину. Такая поверхность схожа с запотевшим стеклом, на котором можно писать пальцем.

Событие – вот что становится способом осмысления, а точнее – проживания смысла. Наша «новая» реальность очень близка реальности традиции, реальности мифа, а такая реальность может быть мыслима лишь «как мир вечно ускользающих нюансов, непрерывно утончающихся изменений...» [4, с. 53]. Антитрадиционализм Западной цивилизации невольно возвращается в русло традиции, и в этом возвращении мира к самому себе очень чётко проявляется человеческое присутствие, истина которого может быть лишь прожита, ибо она не поддается классической форме философского осмысления. И здесь снова целесообразно будет вспомнить, что в современном мире, когда человек стал продуктом биовласти, любой плюрализм в сфере выбора является преимущественно иллюзорным, что делает невозможной реализацию в полной мере чистой экзистенции человека. Поэтому зачастую жизненной стратегией человека становится не достижение каких-либо целей, а максимально полное переживание жизни как события. В такой ситуации говорить о рациональном осмыслении бытия, даже если оно носит философский характер, просто не имеет смысла, и здесь значительную роль может сыграть образное освоение индивидуального бытия человека. Именно в

этом случае возможно осмысление через создание адекватных понятий (образов) без утраты плана имманенции, то есть без забвения собственной экзистенции.

Образов, которые могли бы помочь в освоении бытия, существует достаточно в европейской культуре, однако современный человек чаще всего склонен воспринимать их лишь как чистую форму без присущего им содержания. Подобный подход, носящий исключительно интуитивный характер, вполне оправдан, ведь большинство образов имеют мифологическое происхождение, и непосредственное их принятие и воплощение может иметь губительное влияние на личность. Однако другого выхода нет: невозможно рационально осмыслить то, что иррационально по сути своей. Осмысление через образы, переживание чистого события-становления – единственные способы полноценного философского освоения человеком своего плана имманенции, своей экзистенции, своего бытия. Через человека проходит внутренний поток жизни, и только он, посредством образов, может раскрыть истину этой жизни. Всякие образы такого человека – «лишь трамплин, от которого отталкивается дух в своем вольном полете; они призваны воспитать упругость чистого сознания» [4, с. 56].

Таким образом, речь идет о новом способе философствования. Его частный характер никогда не был неожиданностью в философии, ибо всякая философия по существу есть частная попытка объяснить мир. Теперь сам процесс философствования переходит на тонкий план переживания, превращается в вытаскивание на бытийную поверхность всех возможных смыслов, соединение высоты и глубины самого человеческого естества. Человек – каждый частный мыслитель – должен стать своего рода Гераклом от философии, чтобы смысл, событие его жизни состоялось. Очень важным фактором такого философствования

является наша способность не утратить само чувство становления, что и делает нашу жизнь, наше бытие уникальным.

Список литературы: 1. *Делез, Ж.* Логика смысла [Текст] / Жиль Делез // Делез, Ж.. Логика смысла. Фуко, М. *Theatrum philisophicum* ; [пер. с фр. Я.И. Свирского]. – М., Екатеринбург, 1998. – С. 13-326. – ISBN 5-88687-041-5; ISBN 5-85735-095-6 ; 2. *Делез, Ж.* Что такое философия? [Текст] / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; [пер. с франц. и послесл. С.Н. Зенина]. – М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1998. – 288 с. – (Серия «Gallicinium»). – ISBN 5-89329-106-9 ; 3. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов [Текст] / Диоген Лаэртский ; [пер. с др.-греч. М.Л. Гаспарова]. – М. : Мысль, 1986. – 571 с. – (Филос. наследие) ; 4. *Малявин, В.В.* Мифология и традиция постмодернизма [Текст] / Владимир Вячеславович Малявин // Логос. Ленинградские международные чтения по философии культуры. – Кн.1: Разум. Духовность. Традиция. – Л., 1991. – С. 51-59.

Поступила в редколлегию 14. 10 2010